

18+

Бадим

Голубев

Стукач

Роман

Вадим Голубев

Стукач. Роман

«Издательские решения»

Голубев В.

Стукач. Роман / В. Голубев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-980811-0

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. «Жизнь прожить — не поле перейти», — гласит народная мудрость. Только как прожить эту жизнь? У героя книги судьба складывалась несколько отлично, чем у миллионов его сверстников. Ценой предательства он сумел выжить в тяжелейшей войне. Ценой предательства жил лучше других. Однако настоящее счастье пришло к нему лишь на склоне лет. Ну а потом случилось как в еще одной народной мудрости: «Бог шельму метит». Старикам роман поможет вспомнить прошлое, а молодежи узнать его. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-980811-0

© Голубев В.

© Издательские решения

Содержание

ВАДИМ ГОЛУБЕВ	6
МЕЖ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ	7
НЕБО С ОВЧИНКУ	10
КУЛЬТУРА, БЛЯ!	17
ПРЕДАТЕЛЬ РОДИНЫ	22
ХЛЕБНОЕ МЕСТО	25
ЕВРОПА	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Стукач Роман

Вадим Голубев

© Вадим Голубев, 2020

ISBN 978-5-4498-0811-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАДИМ ГОЛУБЕВ
СТУКАЧ
РОМАН

МЕЖ ВЫСОКИХ ХЛЕБОВ

«Меж высоких хлебов затерялося небогатое наше село...» – сколько помнил себя Колька, пели эту песню односельчане. Хоть окружала Дубасовку давно распаханная, но все еще плодородная степь, богачей в ней не было. Гольгтыбы не водилось тоже. Крестьяне выращивали столько, чтобы прокормиться самим, да оставить семена на следующий год. Баловали себя, когда Бог вдруг давал излишек. Тогда ехали в уездный город Керенск. Оптом продавали зерно, стояли на рынке с гусями и курами. Овцами и козами предпочитали не торговать – оставляли себе. Коров тоже не трогали. Когда «бурёнка» становилась старой, заводили нового теленка. Выращивали, а старушку пускали на мясо, которое ели до весны. Назад возвращались с обновами. Мужики, доносившие сапоги, доставшиеся от отцов и дедов, справляли новые. Покупали материю на платья и рубахи. Баловали жен серебряными перстеньками с дешевыми камушками. Везли детям «городские» карамельки и леденцы, себе – баранки и сахар.

Размеренно текла сельская жизнь. Продали излишки урожая – перевезли сено-солому с полей. Подготовили сани к зиме, подправили-подчинили орудия труда. Снова отправились в Керенск. Кто на богомолье, кто – на более долгий срок – поработать зиму дворниками, подсобными рабочими на городских предприятиях. А там Рождество, за ним – Святки, потом веселая, шумная Масленица с кулачными боями, после – Великий пост и снова пахота на полях, к началу которой мужики возвращались с заработков.

В этот привычный уклад ворвалась «новая жизнь». Поначалу с красными флагами и транспарантами: «Религия – опиум для народа!» из города в сопровождении милиционеров и красноармейцев приехали комсомольцы. Батюшку Паисия и дьякона Ферапонта усадили в сани и увезли «в уезд». Затем выбросили в снег ободранные от серебряных окладов иконы. Вышвырнули разломанный иконостас. Погрузили сброшенные с колокольни медные колокола. С улюлюканьем сбросили с куполов кресты.

– Попы вели антисоветскую пропаганду, – пояснили крестьянам причины «изъятия из употребления» священнослужителей, хотя ни одного слова против власти никто от них не слышал.

Наоборот, отец Паисий всегда говорил, что всякая власть от Бога. Сказали, что храму нашли более правильное применение: в нем будет зернохранилище.

– Что за зернохранилище? Кому оно нужно, когда весь собранный урожай умещается в наших амбарах? – недоумевали мрачноватые, подозрительные, боявшиеся воров, но всегда готовые умыкнуть, что плохо лежит пензяки.

Ближе к весне мужикам разъяснили, что к чему. Вновь в село приехали милиционеры, красноармейцы, комсомольцы. На сей раз в компании военных с петлицами ОГПУ. Собрали сход. Вынесли из саней стол, пару стульев, алую скатерть. За столом уселся чекист. Положил перед собой наган.

– Значит, так! – начал он. – Есть решение партии и Советского правительства о создании в селе Дубасовка коллективного хозяйства – сокращенно – колхоза. Земля и тягловый скот становятся отныне общественной собственностью. Они подлежат сдаче. Зато колхоз обеспечит всем вам зажиточную жизнь. Крестьянам не надо будет бояться неурожая, засухи, наводнений, падежа домашних животных. Колхоз прокормит! Объявляю добровольную запись в коллективное хозяйство! Предупреждаю: отказавшиеся будут рассматриваться как враги Советской власти со всеми вытекающими последствиями. А именно – раскулачиванием и высылкой. Агафона Казакова привели?

Пара милиционеров вытолкнула из толпы колькиного дядю – мельника Агафона со связанными за спиной руками.

– Начнем с Агафона Казакова – лица, враждебного диктатуре пролетариата. Он – кулак, мироед!

– Какой же Агафон кулак?! – недоуменно заволновались мужики. – Он, как проклятый, от зари до зари на своей мельнице мантулит!

– Вот, именно, что на своей – собственной! Доход себе в карман кладет. Наемный труд использует. Поэтому для нас он является представителем сельской буржуазии – кулачества!

– Какой я враг Советской власти?! – взвился Агафон. – Я государству налоги до копейки плачу. Своей земли у меня нет, в колхоз сдать нечего! Разве, что огород, с гулькин нос размером...

– Разберемся! Убрать его! Кто хочет записаться в колхоз?

Поеживаясь, потекли мужики к столу. Подписывали какие-то бумажки. Неграмотные, а таких было полсела, ставили кресты. Вступившие в колхоз поспешили к дому Агафона, решив, что имущество ему теперь без надобности. Никакая сила не могла удержать. В драку растащили нехитрое, но более богатое чем у остальных барахлишко. Довольные возвращались к месту схода. Быстро выбрали правление колхоза и председателя – работягу из Керенска.

Колька тогда опечалился. Дядя Агафон всегда говорил, что оставит мельницу ему. Настоял, чтобы племянник учился в школе, открытой для крестьянских детей еще при царизме помещиками Дубасовыми. Сам дядя семьи не имел. Мельники всегда считались связанными с нечистой силой. Опасались мужики покровителя мельников водяного или его подручной бабки Шишиги. Те вполне могли «по наводке» мукомола утянуть в омут если не самого селянина, то его теленка. Поэтому, хоть мельники были более зажиточными по сравнению с остальными, не спешили односельчане выдавать за них замуж дочерей. Так и жил Агафон бобылем. Его уважали, но сторонились. Колька с детства стал помогать дяде на мельнице. В основном следил, чтобы батрачившие старики, да подростки не воровали муку и зерно.

– Зачем теперь учиться? – всхлипнул пацан, вернувшись со схода.

– Чтобы при этой поганой власти в люди выйти! – ответил отец, подозрительно повертев головой, боясь, что кто-то подслушает и донесет.

Теперь на нем лежало клеймо родственника и пособника кулака – «подкулачника». С такими в случае чего тоже был разговор короткий – высылка в Сибирь.

Дядю выпустили, как сошел лед. Мельница вновь могла закрутить своими колесами, начать молоть крестьянское зерно, не отнятое государством. Только работать никто на ней не умел. Агафон написал заявление о вступлении в колхоз, отдал ему мельницу. Получил должность заведующего мельницей. Теперь на ней заработали бабы с подростками за трудодни. Ну а Колька вновь следил за порядком, не допуская хищений колхозно-кооперативной собственности. Часть сбереженного от воровства односельчанами дядя отдавал племяннику, часть присваивал. Особо обманывал тех, кто разграбил его дом.

– Я свое беру! Возвращаю то, что у меня украли. Ты, Колька, учись! Грамотный всегда сильнее неграмотного! А у нас полсела таких! Когда состарюсь, попрошу председателя тебя на мое место поставить.

К шестнадцати годам парень стал завидным женихом. В шестнадцать его женили на неграмотной соседке Дуняше.

– Не интересна она мне! Ничего не знает и знать не хочет! – попытался возразить жених.

– Зато работящая! Дом и скотину в порядке держать будет. – ответил отец. – Да и лишние трудодни нам не помешают. Жаль храм божий закрыли! Придется оформлять брак в сельсовете, а не венчаться перед алтарем. Блуд это в глазах Господних! Ну, да у Бога дней много! Простит! Не по своей воле такая свадьба.

– По мне, лучше бы ее вообще не было, – про себя подумал Колька, но промолчал.

Свадьба Кольке не запомнилась. Нудятина в сельсовете. Хмельные мужики и бабы, везшие новобрачных в дом Казаковых, верещавшие дурными голосами похабные частушки. Бога-

тый стол в доме (постарался дядя). Немногочисленные гости. Хотя теперь все Казаковы были членами колхоза, однако относились к ним с подозрением – род мельников, водивший дружбу с нечистью. Плюс один брат – кулак, хоть и бывший, другой – подкулачник. Потому явилась на пиршество лишь близкая родня. Даже закоренелые халявшики, не пропускавшие ни одной свадьбы, ни одних поминок, не явились за дармовыми выпивкой и угощением. Колька потянулся, было, к стакану с самогоном. Крепко получил от отца по руке. Когда остался наедине с женой, не знал, что с ней делать. Предоставил инициативу Дуньке. На утро мать вывесила на ворота простыню с кровавым пятном, а пришедшим опохмелиться выставили бутылку «магазинной» водки с красным бантом на горлышке. На сей раз новобрачному дали напиться до блевотины. После Колька жил с молодой, не любимой женой, оказывая ей внимания, лишь когда похоть скручивала его.

В семнадцать лет у Казакова-младшего появилась первая дочь, в восемнадцать – вторая, в девятнадцать – третья. Вдруг грянул призыв в армию. До этого военком входил в положение, давал отсрочку. Теперь не помогли даже деньги (раньше хватало выпивки, лучшего в хозяйстве гуся, пары уток).

– План призыва не выполняем! Не выполним – меня под трибунал отдадут! Признают саботажником, вредителем, или иностранным агентом! К стенке поставят! Дай хоть тысячу рублей – не возьму! Люди нужны! – отодвинул он платок с десятью рублями.

– Как жена с тремя детьми справляться будет? Кто их кормить станет? – обозлился Николай.

– Колхоз прокормит!

– Чем? Палочками в бригадирской тетрадке?! – еще более завелся призывник.

– Вражьи твои слова, парень! Не трудности с призывом – ты бы у меня отсюда в НКВД поехал! Эй, дежурный! Запереть его! Я подумаю: куда тебя на перевоспитание отправить!

НЕБО С ОВЧИНКУ

Многодетного папашу отправили на перевоспитание в Забайкалье. Прощаясь, родители сумели сунуть ему бутылку самогона, сало, колбасу собственного изготовления, вкуснейший хлеб, который пекла мать. Пока катили армейскими грузовиками до Пензы, пили, не просыхая. Там качавшихся новобранцев забили в вонючий, сразу же заблеваный, загаженный ими вагон. Началось путешествие почти через всю страну. По пьянке проспали Урал. Зато потом дивились зелено-золотой тайге, могучим сибирским рекам. Теперь, когда все было выпито, оставалось лишь любоваться красотами Родины. За Иркутском поезд пошел вдоль бескрайнего озера Байкал с его чистой лазурной водой.

– Славное море, священный Байкал... – затянул кто-то в восторге от увиденного.

– Х... тебе в жопу, чтоб ты не скакал! – ответили в рифму откуда-то с верхней полки.

Часа через три остановились на станции со странным для русского слуха и глаза названием Улан-Удэ.

– Улан-Удэ, Улан-Удэ – потеряешь там м...э, – прокомментировал склонный к стихотворству новобранец станционную вывеску.

– Не хочу в Улан-Удэ, берегу свои м...э! – продолжил сам собой возникшей стишок еще один парень.

– Не желаю из Удов возвращаться без м... ов, – завершил третий «шедевр» народного творчества.

В Улан-Удэ никого не оставили. Поезд дошел до Читы. Несколько вагонов погнали на Дальний Восток. Вагон оставили в Чите. Остальные погнали на юг. Колькин вагон нудно привезли на китайскую границу, на станцию Отпор (ныне Забайкальск – авт.). Размяться на станции не дали. Погрузили в машину, покатали в безымянный военный городок, затерянный в холмистой степи. Попарили в бане, одели в новое обмундирование: хлопчатобумажные гимнастерку, галифе, ботинки с обмотками, шлем с красной звездой. Сытно, но не вкусно накормили кашей с красной рыбой – кетой, от которой страшно захотелось пить. Повели в отдельно стоявшее здание учебной команды.

– Как у нас в Пензенской области! – глянул в окно Колька на побуревшую осеннюю степь. – Только горок нет – сплошная равнина.

– Горки эти называются сопками, товарищ красноармеец, – кинул на него взгляд вошедший командир с прямоугольниками на малиновых петлицах. – Только в отличии от вашей Пензы морозы здесь зимой сорок градусов! Ну, ничего, служим! Защищаем рубежи Родины от японских милитаристов и их приспешников из марионеточного государства Маньчжоу-го.

Слово «марионеточное» никто не понял. Капитан продолжил, рассказывая о традициях полка, сожалел, что не довелось принять участия в боевых действиях на монгольской реке Халхин-Гол против японских оккупантов. Разъяснил международную ситуацию. Объявил, что месяц новобранцы будут проходить «курс молодого бойца», затем их распределят по ротам. После беседы служивых разбили на группы, развели по комнатам учить текст Военной Присяги.

Началась учеба. С утра голыми по пояс бежали километр. Затем физзарядка. Потом упражнения на спортивных снарядах: отжимания на турнике, упражнения на брусьях и кольцах, прыжки через «козла» и «коня». Старослужащие солдаты помогали, терпели неуклюжесть «молодых», поскольку сами три года назад были такими же неумехами. Зато старшина Лифанов спуска не давал. Замешкался боец – получал удар увесистой палкой по спине или заднице. Также гонял Лифанов на полосах препятствий. Не взлетел на двухметровую стену, повис на ней – колотушка дрыном «для ускорения». Отставшие в беге на следующее утро «отраба-

тывали» кросс в шинелях с полной выкладкой и противогазах. Когда вечерами возвращались со строевых занятий недалеко от столовой старшина приказывал:

– Запевай!

Измотанные парни затягивали усталыми голосами.

– Отставить! – приказывал Лифанов и обращался к строю. – Товарищи красноармейцы! Меня ужин будет ждать хоть до глубокой ночи. А вам, если будете петь козлиными голосами, придется лечь спать голодными. Запевай! Мою любимую!

– В целом мире большом нету силы такой, чтобы нашу страну сокрушила. С нами Сталин родной и железной рукой нас к победе ведет Ворошилов, – взлетала над солдатскими головами недавно сочиненная, но ставшая любимой всем народом песня.

– Вот так! – удовлетворенно изрекал младший командир. –левой, левой, левой! Выше ножку, шире шаг!

Лупил он еще раз кого-то, кто не тянул высоко ногу в пропыленном ботинке. Служивые крепились. Преодолевая усталость, голод, полученные удары бодро пели. Ведь нельзя было плохо петь про товарища Сталина. После глотали сытный, но не вкусный ужин. Приводили себя в порядок и отходили ко сну после команды дежурного: «Отбой!»

Затем были принятие Присяги и распределение по ротам. С каждым вновь прибывшим знакомились командир роты и политрук. Вытянулся перед ними и Колька, когда до него дошла очередь.

– Комсомолец? – спросил капитан, тот самый, что принимал пополнение.

– Никак нет, товарищ капитан!

– Почему?

– Вот, здесь написано! – ткнул в личное дело чернявый, крючконосый политрук с комиссарской звездой на рукаве.

– Дядя – кулак, репрессирован. Отец – подкулачник. Трудится в настоящее время в колхозе...

– Дядю отпустили, он сдал мельницу в колхоз. Тоже в колхозе и работает... – вставил Казаков.

– Вы, красноармеец, пока помолчите! О чем надо будет – спросим! – прервал его политрук. – Вот с какой публикой приходится работать!

– Да, ладно, Изя! – остановил его командир. – У нас полроты такой контры. Ничего, перекуём! Лифанов! Как проявил себя красноармеец Казаков во время прохождения «курса молодого бойца»?

– Смышленный, старательный, схватывает налету, однако по политической части слаб. На политзанятиях лоботрясничает, овладевать основами марксизма-ленинизма-сталинизма не желает. Полагаю, что подобным поведением он закрыл себе дорогу в комсомол, ну и, соответственно, в младшие командиры, – отбарабанил старшина.

– Он один такой в пополнении?

– Никак, нет! Еще шесть человек. И все к нам в роту...

– Что же вы, товарищ старшина, не сумели отбиться? – усмехнулся капитан.

– Пытался! Ни в какую! Говорят, что вы товарищ комроты – новый Макаренко (основоположник советской педагогики – авт.). Дескать, умеете вы с товарищем политруком всех несознательных бойцов перековывать, людей из них делать. Зато в следующий призыв ждем пополнения с Кавказа. Их нам в роту не дадут. Я договорился!

– Ладно! Этим вместо комсомольских собраний на работы. За каждое неправильное выступление на политзанятиях – наряды вне очереди! Красноармеец Казаков! Свободны!

Старшина вышел из кабинета вместе с Колькой. Невидимым для окружающих ударом сильно саданул по печени, шепнул:

– Думал: отбыл «курс молодого бойца» – избавился от дядюшки Лифанова? Ошибся! Я – ваш ротный старшина. Молодых учу, когда новое пополнение прибывает. Так сказать, по совместительству. Вам – пензякам небо с овчинку покажется! Вы у меня в петлю ползете! Кто следующий по списку? Красноармеец Коровин? Заходите!

Пожухлую, холодную осень сменила зима с сорокоградусными морозами. Не помогли даже тулупы и валенки. Стужа лезла под ватники и стеганные ватные штаны. Хорошо мать прислала теплые носки, связанные ею из овечьей шерсти. Ими спасалась семья в холода. Теперь они как-то выручали Кольку. Ну а старшина делал все, чтобы служивым из Пензенской области небо показалась с овчинку. Они после занятий, вместо отдыха, разгружали уголь для отопления военного городка. Разгружали муку, консервы, картофель, прочие съестные припасы для полковой столовой. Когда не было этой работы, что-то мыли, чистили, скоблили. Все это при том, что не вылезали из нарядов вне очереди. Накануне Дня Красной Армии Лифанов приказал пензякам провести большую уборку в Доме красноармейца. Поначалу даже обрадовались: все-таки в тепле работать придется, а не морозить зад на лютном февральском холоде. Однако попав в огромное помещение, поняли сколь злую шутку сыграл с парнями старшина. Вкалывали с мокрыми спинами до обеда. Перед обедом явился Лифанов. Когда командир отделения попросил разрешения пойти на обед, ответил:

– Помещение не убрано! Какой вам обед?! Обедать будете в ужин!

Вкалывали до ужина. Все было начищено до блеска. Убрано до пылинки. Явившийся принять работу старшина вдруг достал спичку и принялся копать ею под плинтусом. Вытащив спичку черную от грязи, спросил:

– Товарищ командир отделения! Почему под плинтусом грязь? Плинтусы отодрать, промыть-прочистить под ними, прибить назад!

– Товарищ старшина! Отделение не обедало...

– Не уложите к ужину – ужинать будете в завтрак! Выполнять!

Так, и остались пензяки без обеда и ужина, поскольку, когда закончили, столовая уже закрылась. Повара дали парням немного хлеба, сказали, что их обед с ужином съели служивые из других отделений.

– Товарищ старшина! За что вы нас – пензенцев не любите? – не выдержал Вася Зайцев.

– Три наряда вне очереди за разговорчики! – тут же наказал строптивца Лифанов. – А за что мне вас любить? Мой отец был направлен с продотрядом в Пензенскую губернию. Шла Гражданская война. Хлеб был нужен Красной Армии, рабочим, ковавшим в тылу победу над белогвардейщиной. Ну а крестьяне проявили несознательность. Продотряд перебили. Моему отцу – командиру вспороли живот, засыпали зерном. Потом рассказывали, что батя умолял его пристрелить или заколоть вилами. Заставили умереть в мучениях. Кончилась Гражданская война. Началось восстание Антонова в Тамбовской губернии. Его бандиты к вам – в Пензенскую губернию, как к себе домой шастали. Да и кое-кто из пензяков к Антонову подался. Брата отца послали это безобразие прекратить. Его бойцов мужики сонными перерезали. Дядьке воткнули в живот лом. Пригвоздили к земле. Переломали кости кольями и молотками. Потом порубили руки-ноги на мелкие кусочки. Что еще трепыхалось полили керосином и подожгли. Может, кто-то из ваших отцов-дедов моих родичей лютой смерти предал!

– Вот, сука! – мрачно глянул вслед удалявшемуся старшине командир отделения – дальневосточник Миша Грищенко. – Попадись он мне во Владивостоке, на моем мысе Эгершельд!

– Ты-то как здесь оказался? – спросил Колька, к которому Грищенко благоволил за исполнительность.

– Хотел на флоте срочную службу проходить. У нас, во Владике все на Тихоокеанский флот идут. Но меня, как шпану, сюда, на сопки Маньчжурии военкомат определил. Так и сказали: «Нечего этому хулигану позорить высокое звание советского военного моряка!» Вот и гнию здесь. Ничего, два года отслужил – всего год остался!

– Скажи, Михаил, тебя старшина тоже не очень жалует, как ты пробился в командиры отделения?

– Отличился на учениях. Командующий корпусом произвел меня в отделенные командиры. Собственноручно вручил «треугольники»! (знаки отличия младшего командного состава – авт.) После этого в комсомол моментально приняли. Теперь понятно, почему Лифаных вас, пензенских, не любит. Действительно, Коля, пока я служу двое твоих земляков, да один тамбовский в петлю слазили. Одного откачали – осудили за членовредительство. Он же еще виноват оказался! Но ты об этом помалкивай! Сам знаешь: обстановка тяжелая. Война с белофиннами идет! Не то вякнул – сразу определяют «куда следует»!

Шла война на северо-западных рубежах Советского Союза. Об успехах Красной Армии узнавали из газет «Правда» и «Красная Звезда». О беспримерном мужестве и героизме советских солдат и офицеров захлеб рассказывал политрук Израиль Гохфельд, коего все называли просто Изей. Однако никто не знал какой ценой были отбиты у Финляндии город Выборг, да небольшой кусок земли в Карелии. Никто не знал, что цена этим «приобретениям» сто тысяч человеческих жизней, да полмиллиона раненых, обмороженных, больных. Наоборот, парни завидовали сверстникам, умиравшим в финских снегах. Многие хотели на войну, «навалить убогим чухонцам». Кое-кто попросился на фронт.

– А защищать наши Дальний Восток и Забайкалье от японцев Пушкин будет? – отвечал Изя, складывая заявления в сейф.

Позже эти заявления он предъявил политическому начальству как результат проведенной им патриотическо-воспитательной работы. Стал старшим политруком. Тем временем война закончилась. Быстро растаял снег, а степь мгновенно окрасилась в нежно-зеленый цвет. Потянулись караваны перелетных птиц. Закружились ястребы, выскивавшие добычу. Изза колючей проволоки, которой был обнесен военный городок, тянуло волей. Только воля эта была там, за непролазной оградой. Вспоминался Кольке родной дом в таких же степях, только без сопок, отец, мать, нелюбимая жена, гукавшие, мельтешившие под ногами дочери. Сколько же еще надлежало прослужить, чтобы вернуться ко всему этому – родимому, привольному! Потом был летний лагерь, палатки для коего в степи устанавливали те же пензенцы. Ну а Лифанов проверял работу. Поддевал сапогом колышек с веревкой крепления. Ловким ударом обрушивал палатку, раздавал «бракоделам» наряды вне очереди. Там же, в летнем лагере, Казаков узнал из надписи на конверте с письмом от родителей, что его районный центр уже не Керенск, а Вадинск. Поинтересовался у все знавшего полкового почтальона.

– Семья Керенского оттуда родом, а Керенский – премьер-министр Временного правительства, лютей враг мирового пролетариата! – получил ответ. – Неудобно, чтобы в его честь назывался советский населенный пункт. А почему Вадинском назвали, извини, браток, не в курсе...

– Вад – река, которая по городу протекает. Есть там еще речка Керенка. От нее и название города, – вспомнил Колька рассказы деда – сельского грамотея.

– Все равно неудобно! Буржуйского холуя Керенского знают все, а Керенку – только вы, пензенские, да и то не каждый!

– Это – точно! – пробормотал Казаков, открывая конверт.

Пошли летние учения: марш-броски по пересеченной местности, стрельбы, преодоление полос препятствий, атаки на позиции воображаемого противника. После еле таскавших ноги пензенцев старшина гнал мыть и чистить полевую кухню, разгружать продукты и боеприпасы. В лагере узнали о вступлении в Советский Союз Литвы, Латвии, Эстонии. Закатывая вверх глаза, причмокивая языком, Изя рассказывал, как девяносто процентов прибалтийских избирателей проголосовали на выборах за блок коммунистов и социал-демократов, а позже за вхождение прибалтийских государств в СССР на правах союзных республик.

– В нашей великой стране нет безработицы. Заводы и фабрики принадлежат рабочим, а земля – крестьянам. Повсюду восьмичасовой рабочий день. Бесплатное высшее и среднее образование, что дает возможность представителям трудового народа иметь знания, доступные в других странах лишь представителям эксплуататорских классов, да буржуазной, продажной интеллигенции. У нас бесплатное медицинское обслуживание. Все трудящиеся имеют право на оплачиваемый отпуск и бесплатное санаторно-курортное обслуживание. Каждый гражданин нашей страны при достижении соответствующего возраста получает пенсию по старости, – захлебывался от восторга Изя.

– Где эта пенсия? – думал про себя Колька. – Деду моему, как бывшему волостному писарю, при царизме пенсию платили, а Советская власть ее отменила. Пришлось отцу с дядей Агафоном деда с бабкой кормить, пока те не умерли. В колхозе вдвое больше приходится работать. Трудодни год от года становятся все жиже. Поэтому придет мужик с колхозного поля и до темноты вкалывает на своем приусадебном участке. Ну а какой отпуск? Кто во время посевной или уборочной отпустит в санаторий. Да и слова мы такого в нашем Дубасово не слышали! Рассказывал дед про крепостное право – тоже и в колхозе. Только вместо управителя барским именем – председатель. Управитель хоть грамотным был, соображал. А у нас? Что наш председатель – бывший работяга в сельском труде соображает? А члены правления? Воевал в Гражданскую, вот и выбрали. Больше ничего в них выдающегося нет! Да не добровольно на фронт пошли, а клювом щелкнули, вовремя в степь не смотались – загребла их прибывшая из Керенска мобилизационная команда. Теперь, вроде как герои, начальство! Вся эта чудь белоглазая – эстонцы с латышами, ох с колхозами нахлебается! Ох, потом умоется, а кровью похаркает! Ну, да их выбор! Никто дураков не заставлял! Неужели им не говорили, что крестьян, не желавших идти в колхозы, сослали в Сибирь? Что церкви закрывают, а попов сажают? Да и не только попов... Вон, директора нашей школы-пятилетки забрали. Английским шпионом оказался. Какие интересы у Англии в нашем захолустье? Нужно ей в убогое село, где ничего кроме колхоза нет, лазутчика засылать?

С такими мыслями Колька уходил с очередного политзанятия. Так и пролетело лето. Полк вернулся в военный городок. Побурела степь. Отлетели на юг птицы. Лишь ястребы продолжали кружить в небе, выслеживая грызунов, да змей, не успевших впасть в зимнюю спячку. Закончился первый год службы Николая. Осталось еще два.

Прибыл новый призыв. Много народа с Кавказа. Как ни старался Лифанов, как не напоминал он о договоренности, в роту прислали троих азербайджанцев. Хоть ни их предки, ни тем более они сами не сделали ничего плохого родне старшины, загремели в «штрафное» отделение Грищенко. Парни сразу заявили, что не будут возить говно, а именно убирать помещения, чистить сортиры, грузить-разгружать.

– У нас такой работой женщины занимаются! Не мужское это дело! Мы служить приехали, а не холуями работать!

Пришлось поучить «молодых», хотя подобное не было принято в тогдашних советских вооруженных силах. Крепко навалили в туалете гордым сынам советского Закавказья всем отделением. После заставили отмывать их собственную кровь. Спесь сбили. Пошли горцы жаловаться Лифанову. Собрали имевшиеся у них деньги, поднесли старшине.

– Вы, что же, товарищи красноармейцы, предлагаете мне – младшему командиру Красной Армии взятку? – расплылся тот в гаденькой улыбке. – Будете теперь отдуваться за всех! Будете делать все, что прикажет командир отделения! Деньги оставлю на хранение. Не то вы еще кого-нибудь надумаете подкупить, а это – уголовно-наказуемое преступление! Сейчас потопаете в прачечную! Белье стирать-сушить надо!

– Деньги отдай! – протянул лапу самый крепкий азерб.

Что-то залопотали остальные. Дело происходило на заднем дворе, где сушили на веревках выстиранное белье. Колька и Вася Зайцев, затаившись за углом, наблюдали за развитием

событий. Один из горцев подхватил шест, поддерживавший веревки. Лифанова стали прижимать к стене, беря в полукольцо.

– Значит, насильственные действия по отношению к командиру? Еще одно уголовно-наказуемое преступление! – спокойно сказал старшина, отступив к стене, чтобы никто не смог достать его со спины.

– Целым хочешь остаться – деньги вернул! И никаких уборок! Русские пусть ходят в наряды и говно ворочают! – сказал заводила, наступая на старшину.

Внезапно он с разворота ударил Лифанова. Тот ловко увернулся, стукнул противника в солнечное сплетение. Добавил, когда тот согнулся от боли, коленом в лицо. Опрокинул на землю. Второму нанес серию боксерских ударов по корпусу. Затем мощным апперкотом свалил с ног. Увернулся от тычка шестом, словно пикой. Побежал кругами, с издевкой подвывая:

– Ой, боюсь! Ой, боюсь!

Вдруг резко развернулся, вывернул шест из рук ткнувшегося в него и потерявшего равновесие азербайджанца. Этим же шестом долбанул нападавшего по скуле. Когда парень упал, сам ткнул его, словно штыком, вытянул по спине, когда «молодой» закрутился от боли. Вытянул по очереди попытавшихся подняться ранее поверженных красноармейцев. Отходил ногами по почкам заводилу. Достал из серебряного портсигара папиросу, с наслаждением закурил.

– Подъем! – скомандовал Лифанов азерам, и когда те поднялись, продолжил. – Теперь за то, что я вас не передал в органы за совершение преступлений против старшего по званию, будете отдавать половину денег, которые вам родня пришлет! Все посылки – сначала мне на досмотр. Дядюшке Лифанову урюк и прочие витамины не помешают. Шагом марш в прачечную! Белье, засранное русскими и не русскими, стирать!

– Валим отсюда! – шепнул Колька Зайцеву. – Если узнает, что мы свидетели – с ботинками сожрет – не подавится!

– Приемчики, гад знает! – выдохнул уже в помещении, пропахшем потом, испражнениями, мылом и хлоркой Вася.

– Сам же нас учил, – шепнул Колька. – Я так надеялся, что горцы его отмудохают! За всех нас рассчитаются...

– Где командир отделения Грищенко? – вошел в прачечную старшина.

– Повез сдавать выстиранное и наглаженное! – доложил Колька. – Меня оставил старшим.

– Принимайте, товарищ красноармеец, этих орлов-стервятников. Несете личную ответственность за то, чтобы они работали, а не отлынивали от порученного им дела! Чтобы хорошо работали: до седьмого пота.

К вечеру ударил мороз, повалил снег. Лифанов отправил в наряд заводилу азербайджанцев. Тот влез в валенки, понуро одел шинель.

– Постой! – остановил его старшина. – Тулуп одевай! Хочешь простудиться и в медсанчасти от дядюшки Лифанова отдохнуть? Не выйдет!

Затем Лифанов шепнул разводящему караулы:

– Этого, черножопого сменишь последним! Желательно, чтобы он хоть полчаса дольше положенного на посту простоял! Задача ясна?

Азера сменили через час дольше обычного. Он вошел в казарму, корчась от боли.

– Обоссался я! – со стоном выдохнул парень.

Моча застыла на морозе вмерзла в кожу. Пришлось отправить в полковой лазарет.

– Отдохнет. А то, глядишь, вообще комиссуют, – с завистью сказал Грищенко.

Как в воду глядел! У новобранца началась гангрена, и его отправили в Забайкальск, оттуда в Читу, в госпиталь. Двое других, узнав новость, оживились, заговорили на своем языке. Потом пошел в наряд, охранять на морозе склад еще один азербайджанец. Тоже надул в штаны и нажил гангрену. Его тоже отправили в Читу. Третьего – Гасана – Лифанов приказал ставить

в караулы лишь в теплых помещениях. Через какое-то время роту выстроили на плацу. Зачитали приказ по полку. Из документа следовало, что красноармейцы Ибрагимов и Мамедов совершили членовредительство, дабы уклониться от почетного долга советского гражданина защищать социалистическую Родину. Обоих осудили на пять лет лишения свободы. Тем же приказом ротному командиру Скопцову и старшему политруку Гохфельду вкатили строгие выговоры за слабую воспитательную работу с пополнением. Как ни странно, Лифанов вышел «сухим из воды». Колька, сказал Грищенко, что следовало бы написать начальству дивизии, а то и корпуса о художествах старшины.

– Во-первых, не по понятиям. Стучать даже на таких упырей как Лифаныч не принято, – ответил Миша. – Во-вторых, что толку? Тамбовский, который в петлю полез, писал. Результат – ноль! Самого же и посадили. Стиснуть надо зубы и дослуживать. Потом, «на гражданке», с уродом можно встретиться и разобраться! Служба с этим вурдалаком тоже немало дает. Крепче становишься, выдержка укрепляется, учишься себя в руках держать. Военной наукой лучше овладеваешь, чтобы Лифаныч не смог придраться, нарядов вне очереди навешать. Да и в случае войны пригодится. В мирное время – тоже. Владивосток тайга окружает. Какого только в ней зверья нет! Медведи, кабаны, косули, тигры и даже леопарды. На одной охоте большие деньги можно зарабатывать. А у вас, в Пензе, какое зверье?

– Волки есть, зайцы, птица всякая... – начал Колька и задумался. – А ведь за убитого волка премию дают! Зайцев-птицу бить можно – все прибавка к питанию.

С тех пор Казаков упорно овладевал стрельбой. Даже получил значок «Ворошиловский стрелок».

– В снайперскую школу захотели, товарищ красноармеец? От дядюшки Лифанова отвязаться? – с издевкой спросил старшина. – Не выйдет! До самого увольнения в запас под моей командой служить будете! Сортиры чистить, грузить-разгружать, полы мыть, стены скоблить.

– Пошел на х...! Пошел на х...! Пошел на х...! – про себя твердил Колька, как научил его поступать в таких случаях Грищенко, страшно боясь произнести эти слова вслух.

КУЛЬТУРА, БЛЯ!

Настал 1941 год. По весне, неожиданно-негаданно, словно гром среди ясного неба, грянул приказ о переброске дивизии на запад. В бывшую часть Польши, ставшую ныне одной из областей Советской Украины. Вновь погрузочные работы до потери сознания. Затем долгий путь через всю Сибирь и европейскую часть России к новому месту службы. На одной из остановок, когда служивые вышли из вагонов покурить, да потоптать твердую землю, а не трясшийся пол теплушки Грищенко позавидовал:

– Вам – «европейцам» – хорошо! Дембельнётесь – через трое суток дома будете, а мне полмесяца до Владика пилить. Правда, до этого еще аж до сентября послужить придется...

– А вот и нет, товарищ командир отделения! – неизвестно откуда возник вездесущий Лифанов, ехавший в командирском плацкартном вагоне. – Есть приказ наркома обороны задержать увольняющихся в запас на три месяца. Так, что служить вам придется не до сентября, а до декабря! Приказ надлежит огласить завтра. Но я довожу его до вашего сведения сейчас, чтобы вы плохо спали.

Затем поезд покатил по бескрайним украинским полям, зеленевшим молодой пшеницей. Ночью остановились на какой-то станции. Началась разгрузка. Вкалывали все. Даже Лифанов и тщедушный Изя таскали ящики с патронами, гранатами, тушенкой. Затем рухнули в кузова грузовиков и спали до рассвета. Продрав глаза увидели населенный пункт со знакомым из песни названием Замостье.

– На Дону и Замостье тлеют белые кости. Над костями шумят ветерки, – завел кто-то замогильным, леденящим кровь голосом, каким пел неведомый солист с пластинки, крутившейся по трансляторам в военном городке.

– Помнят псы-атаманы, помнят польские паны конармейские наши клинки, – дружно подтянули бойцы, марш кавалеристов, полюбившийся всем родам войск.

– Отставить песню! – вылез из кабины тормознувшего грузовика, замахал руками Изя. – Не провоцировать трудовое польское население! Панов здесь больше нет! Их кого не в тридцать девятом – того в сороковом году в Сибирь выслали заниматься общественно-полезным трудом, идейно перековываться!

Доехали до города Луцк. Все были поражены невиданной ранее архитектурой, чистотой, блеском витрин. Изумила бойцов бабка, с мылом мывшая тротуар рядом с домом. Даже видавший виды Лифанов уважительно протянул:

– Культура, бля! – и обернулся к служивым. – На тротуары, мостовые не плевать, окурки не бросать!

По тротуарам разгуливали жены командиров из частей, прибывших раньше. По незнанию дамочки накупили кружевных ночных сорочек и, сочтя их за платья, дефилировали среди лотков торговцев.

– Курвы советские! – шипели им вслед польки с хохлушками.

Рванули дальше, почти до самой границы. Там ждали домики для офицерского состава, палатки для красноармейцев, дощатая столовая, баня, в которую поротно-повзводно погнали служивых. Распаренных, чистых воинов ждала новая форма. Новые ботинки обещали выдать в понедельник – двадцать третьего июня. Повели обедать. Накормили вкусно, даже подали котлеты, которые в Забайкалье бойцы видели лишь на седьмое ноября, двадцать третье февраля, да первое мая. Показали линию окопов с пулеметными гнездами, возведенную военными строителями.

– Более серьезные укрепления возведете своими силами под руководством армейских инженеров, – сказал командиру политработник с комиссарскими ромбами в петлицах. – Времени предостаточно. С Германией у нас договор о ненападении. Немцы ведут себя так-

тично. Провокациями не занимаются, словом, выполняют все пункты соглашения, подписанного товарищем Молотовым и немецким министром Риббентропом. Правда, на днях залетел к нам их летчик. Но пока соединились с нашей авиацией, пока прилетели наши «ястребки», его след простыл. Немцы сами к нам приехали, извинились, дескать молодой, неопытный пилот заблудился. Культурный все-таки народец!

Вечером в дощатом клубе показали фильм «Трактористы». Бойцы и командиры дружно хохотали над комическими выкрутасами артистов Алейникова и Андреева, восхищались красотой актрисы Ладыниной, игравшей главную женскую роль. Все хором подпевали прошедшую через весь фильм песню, с особым воодушевлением ее припев:

– Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход. Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, а первый маршал в бой нас поведет.

Радостно расходились после фильма по палаткам. Ведь, следующий день – двадцать второе июня приходился на воскресенье. А это значило, что не будут гонять по полосам препятствий, не будет политзанятий, зубрежки уставов, сборки разборки самозарядных винтовок Токарева, стрельб и прочих солдатских занятий. Может быть, даже отпустят в увольнительные, о коих никто не заикался во время службы в Забайкалье. Настроение изгадил Лифанов.

– Ваше отделение, товарищ Грищенко, несет боевое охранение объектов с трех тридцати до пяти тридцати утра! – объявил он.

А это значило: прощай самый крепкий, предрассветный сон. Мало того, сдал пост – будь любезен на физзарядку! Потом никто не даст спать: хоть лбом в стену колоти, но бодрствуй!

– Вот, гад! Опять в карман насрал! – ругнулся Миша.

Кольке достался пост на контрольно-пропускном пункте. С одной стороны, хорошо – начальник караула в домике рядом. С другой стороны, хрен прикорнешь! Весь на виду. Казаков слонялся вдоль ворот. Временами становился под грибок, опирался на его столб, чтобы дать отдых ногам. Наконец, на востоке появилась алая полоса. Восход! Значит совсем недолго стоять на посту. Вдруг из темноты, с запада послышался нарастающий гул. Колька глянул в его сторону и обомлел. Летело множество самолетов, вмиг заслонивших утренние звезды. Боец бросился в караулку. Стукнул кулаком в дверь, из-за которой выглянул заспанный Изя.

– Товарищ, старший политрук! Немцы! Самолеты! Много! – выдохнул он.

– Отставить паникерство! Прекратить провокацию! – взвизгнул Изя и осекся: немецкие самолеты были уже над их головами.

Затем раздался жуткий вой, задрожала под ногами земля, встали над нею рыжие сполохи взрывов, за ними повис оглушающий грохот. Колька бросился на землю. Рядом упал старший политрук. Краем глаза боец видел, как в огромные костры превратились домики состава, столовая, баня, клуб. Заметались выскочившие из палаток в трусах и майках красноармейцы. Снова повисли вой и свист. Только уже не сверху, а с запада, с земли. Немецкая артиллерия обрушила огонь на лагерь. С рассветом огонь прекратился. Вдалеке слышались выстрелы, взрывы. Вела бой пограничная застава. Героизм ее бойцов позволил пехотинцам оправиться, найти оружие и одежду, подсчитать потери. Погиб весь командный состав полка, кроме начальника особого отдела. Складывали в ряд убитых. Это, разумеется, поручили отделению Грищенко. Преодолевая приступы рвоты волокли, подхватив за руки-за ноги тех, кто еще пару часов назад были товарищами по оружию, веселыми, балагурившими крепкими парнями, коим жить, да жить. Полковые врачи оперировали раненых. Начальник особого отдела – старший лейтенант госбезопасности Куроедов, прозванный Черным вороном, принял командование полком. Попытки связаться с более высоким начальством оказались безуспешными. Телефонная связь не работала, вероятно была перерезана немецкими диверсантами. Рации гитлеровцы глушили радиопомехами.

– Занять позиции! – приказал Куроедов, кивнув на развороченные окопы. – Будем держать оборону до прибытия подкреплений! Пока нет приказа об отступлении – ни шага назад!

Паникеры, дезертиры, бойцы, попытавшиеся сдаться в плен, будут расстреливаться на месте преступления без суда и следствия!

– Надо бы послать кого-нибудь на заставу. Узнать, что там? – предложил командир роты Скопцов.

– Я послал связистов найти повреждение в кабеле и соединить нас со штабом дивизии. Думаю, что мы имеем дело с элементарной провокацией.

– Ничего себе, провокация! – вырвалось у Скопцова.

– Разговорчики, товарищ капитан! Занимайте позиции. Как старший по званию – майор в переводе на армейские ранги – возлагаю на вас командование батальоном! Подумайте: кому принять вверенную вам роту?

– Старший политрук Гохфельд! Примите командование третьей ротой! Вашим заместителем назначается старшина Лифанов! Приступить к выполнению обязанностей!

– Взводных не нашлось? – ухмыльнулся Черный ворон.

– Никак, нет! Все взводные погибли во время бомбежки и артобстрела.

Подошли не весть откуда взявшиеся офицеры-артиллеристы.

– Командир артиллерийского дивизиона – майор Дарьин, – представился старший из них.

– Что же вы, товарищ майор, не подавили огонь немецких батарей?

– Демаскировали бы наши позиции и в несколько минут были бы уничтожены неприятелем. А маскировка у нас отменная. Даже тот фашистский летун, что на днях здесь кружился, не засек.

– Ну, нам сказали, что заблудился он по неопытности.

– Не думаю! Самолет был разведывательным. Просто высокое командование, избегая осложнений с немцами, приняло их объяснения. Орудия мы сохранили. Когда немцы попрут танками и пехотой, достойно их встретим.

Тем временем стрельба у границы стихла. По полю перед укреплениями приковыляли два раненых-перераненых пограничника.

– Что на заставе? – донесся до крутившегося возле командиров Кольки вопрос Куредова.

– Нет больше заставы, товарищ старший лейтенант госбезопасности! Личный состав погиб. Командир отправил нас, как не способных носить оружие, в тыл. Приказал передать, что это – не провокация, а война!

– Провокация или война – не нам судить! Госпитальные палатки целы? Оказать бойцам медицинскую помощь! Ну а нам – пока ни шага назад!

Едва заняли позиции, пролетел немецкий самолет. На бреющем полете расстрелял пулеметчиков, засевших в том, что осталось от пулеметных гнезд. Раскидал какие-то бумажки. Оказались листовками. «Бойцы Красной Армии! – читали воины. – Убивайте большевиков-командиров и жидов-комиссаров! Сдавайтесь в плен! Только так вы сохраните ваши жизни. Вам будут созданы достойные условия содержания, а раненым оказана медицинская помощь. Помните: Великая Германия несет рабочим освобождение от коммунистического рабства, а крестьянам свободу от колхозов, вольное землепользование. Немецкий народ не является врагом русского народа. Он борется против кровавой диктатуры Сталина и его приспешников. Настоящая листовка -пропуск в германский плен».

– Немедленно сдать всю эту погань! – подлетели к бойцам Изя с Лифановым. – Вам, Казаков, особое приглашение?

– Да я, товарищ старшина, такую мерзость и в руки брать не стал, – соврал Колька, успевший вовремя припрятать в ботинок «на всякий случай» листовку. – Вон, сколько бумажек вокруг валяется! Без надобности они мне!

Потом немцы обрушили шквал огня на остатки летнего лагеря. Казалось, нет и не будет конца-краю вою, свисту, грохоту взрывов. Затем на поле из перелеска выкатились танки –

немного. Рядом с ними катили танкетки с солдатами, мотоциклы. Черный ворон не утерпел. Будучи страстным охотником, как рассказывали про него, он решил пострелять. Приник к пулемету «максим». Рядом, «вторым номером» прикорнул Изя. Расправил пулеметную ленту. Куроедов направил длинную очередь по мотоциклистам. Попадали с седел, забились в колясках изрешеченные пулеметчики. Словно в детской игре принялись опрокидываться мотоциклы. Несколько мгновений и все они ткнулись в траву, вертя колесами в воздухе. Пара танков остановилась, направила пушки в сторону пулемета. Сначала один взрыв взметнул огонь и почву в сотне метров от позиции. Затем второй разметал то, что некогда было Изей с Черным вороном. Посыпались на позиции снаряды с других танков, потянулись очереди пулеметов с танкеток. Все вжалось в землю. Колька оказался за спиной Лифанова. Он навел винтовку под левую лопатку старшины. За грохотом снарядов выстрела не услышали. Тем более, что красноармейцы палили по фашистам. Лифанов дернулся. По его гимнастерке расплылось кровавое пятно. Казаков увидел, как еще одна пуля вошла в спину ненавистного начальника. Тень метнулась к окопу, куда скатился убитый. Через несколько минут оттуда выскочил боец, в коем Колька узнал Васю Зайцева. У того в руке был серебряный портсигар старшины, а на запястье — наградные часы, которыми гордился Лифаныч.

– Кто смел – тот и съел! – хмыкнул Вася, доставая из кармана пачечку денег. – Вот, Лифанов оставил!

Зайцев отмусолил от пачки пару красных червонцев (двадцать рублей – авт.) – сумму невиданную колхозниками. Протянул Кольке.

– Премия за помощь в ликвидации гада ползучего. Но, ты не болтай. Не то нас обоих расстреляют. Донесешь втихаря – за собой к стенке поташу! Пока! – выпрыгнул из воронки Вася.

Внезапно огонь артиллерийского дивизиона обрушился на немецкие такни запылал один, второй, третий четвертый, пятый. Оставшаяся пара танков развернулась в надежде укрыться в перелеске подбили и их. Заодно разнесли три танкетки. Красноармейцы, словно на учениях, отстреливали бежавших к спасительным зарослям вражеских танкистов и пехотинцев с подбитых танкеток.

Фашисты предприняли еще одну атаку, предварительно накрыв орудийным огнем позиции артиллеристов. Те успели перетащить пушки и боеприпасы в другое место. Снова обрушили на врага неожиданный огонь. Еще пять или шесть танков задымилась на поле боя. Пехотинцев вновь расстреляли советские воины. Откуда-то из перелеска сначала что-то захрипело, затем послышался голос.

– Советские бойцы и командиры! – обращался неведомый собеседник по-русски. – Ваше сопротивление бесполезно! Вы окружены! Совсем немного времени и всех вас убьют. Не думайте о себе – подумайте о ваших семьях: родителях, женах, детях! Кто их будет кормить? Сталин? Не будет! Всех ваших родных и близких ждет голод, ждет прозябание. Сдавшись в плен, вы вернетесь домой после войны, а она закончится к осени, не позже. Поднимите свои хозяйства. Заживете счастливой, безбедной жизнью. Без колхозов, без ОГПУ, без подневольного труда на заводах...

Гулко ухнули советские пушки. С шипением полетели снаряды в перелесок, над которым взвились четыре рыжих сполоха, а затем огненный гриб.

– Молодцы! – выдохнул оказавшийся рядом с Колькой Скопцов. – На звук вражескую агитационную машину расстреляли! Что с Лифановым?

– Похоже, убит, – ответил Колька.

– Где Грищенко?

– Здесь, товарищ капитан! – свалился в воронку Мишка.

– Принимай роту! Больше командовать некому. Уцелевших особистов я поставил командовать батальонами. Хотя, дай Бог, чтобы от полка батальон остался. Пока держим оборону. Под покровом темноты – отступаем. Ротные разведчики живы?

– Никак, нет! Все полегли, товарищ капитан.

– Трех бойцов пошлите в разведку! Надо проверить: действительно ли мы окружены или эта мразь фашистская на фу-фу работает? Хочет нас запугать, чтобы мы в плен сдались.

– Казаков! Подберешь еще пару бойцов и по дороге пройдешь от полка два километра! – приказал Мишка.

– Три! – поправил Скопцов. – Смотреть внимательно! Действовать скрытно!

Колька подобрал своих, пензенских. Напросился и Вася Зайцев. Озираясь, пошли среди полей. Слова агитатора за сдачу в плен подействовали на Казакова, размышлявшего:

– Вот, я иду. Не знаю куда. Не знаю: зачем? Может быть, пройдем километр, а не три, и все ляжем. Ради чего? Ради Сталина? Ради колхоза? Ради таких упырей, как Лифанов? Ради больших, ожоженных армейских начальников, коим мало дела до простого красноармейца? Да, Скопцов, Изя дневали и ночевали с нами. К ним нет претензий, тем более, что от Изя лишь куски остались. А остальные? Командир полка ни разу за два года в казармах не был. Из дивизионного начальства раз за два года с проверкой приезжали. Дальше штаба полка шага не шагнули. Издевательства, доведение до самоубийства начальством покрывались. Боровшихся за правду в лагерях гноили. Дома – крепостное право. Не нравится – кулак или подкулачник, или еще какой-нибудь враг народа. Нужно ли отдавать жизнь за это? Тот же Изя лопотал о священном долге, защите социалистического отечества. А нужно мне социалистическое отечество? Может быть, придет немец, наведет порядок? Болтунов краснопузых – к ногтю! Землю – назад мужикам! Мельницу – назад дяде Агафону! Да в и церковь не мешало бы батюшку вернуть! Не будет колхоза и зернохранилище не к чему! А, чтобы все это увидеть своими глазами, надо выжить! Хорошо бы, на немцев нарваться! Листовка – пропуск в плен за обмоткой. Отсижусь...

Немцы возникли как по заказу. Встали из кустов по обеим сторонам дороги, направили на красноармейцев автоматы. Словно по команде пензяки бросили винтовки. Протянули служивым в темно-зеленых маскировочных комбинезонах пропуски для сдачи в плен.

ПРЕДАТЕЛЬ РОДИНЫ

Немцы деловито и быстро обыскали пленных. Выгребли все из карманов, заставили снять ремни. У Васи Зайцева из голенища офицерского сапога, стащенного с кого-то из убитых командиров, выудили финский нож. Старший из фашистов укоризненно покачал головой, поставил синяк под глаз служивому. Погнали до населенного пункта, в котором совсем недавно размещался штаб дивизии. На окраине уже были вырыты окопы, направили в сторону колькиного полка стволы орудия. На улицах все еще лежали тела погибших красноармейцев и командиров. Под стеной одного из зданий распластались расстрелянные комиссары и еврей-интенданты. В этот дом втолкнули пленных. Командир разведчиков доложил офицеру, протянул отобранную у Кольки красноармейскую книжку. У остальных документов не оказалось – вероятно – выбросили.

– Герр, гауптман! (господин капитан – нем.) – позвал офицер.

От стола с полевыми картами отделился осанистый военный с лихо закрученными усами и черным крестом на кителе. Глянул в документ Казакова. Остальных приказал увести.

– Значит, Николай Казаков, являешься уроженцем села Дубасово Керенского района Пензенской области? – на чистом русском языке спросил фашист.

– Так, точно, ваше благородие! – вспомнил Колька фильмы о «проклятом» царизме и Гражданской войне, кои показывали по воскресеньям в сельском клубе.

– Агафон Казаков тебе родня?

– Родной дядя, ваше благородие!

– Ну и как его стадо? Пасется, или его колхознички под нож пустили?

– Дядя Агафон, отродясь, стада не имел. Он – мельник! – понял подвох Казаков.

– Правильно отвечаешь! Агафон у моего отца мельницу выкупил. Прекрасная мука была у него. Живой?

– Не могу знать! Когда заваруха с коллективизацией началась, его кулаком объявили и в ОГПУ забрали, – соврал на всякий случай Колька. – Мельницу колхоз, будь он неладен, загреб.

– Батюшка Ферапонт все еще служит в храме? – вновь спросил гауптман.

– Батюшку Паисия и диакона Ферапонта перед самым началом коллективизации арестовали. Осудили за антисоветскую пропаганду и агитацию... – вновь понял подвох пленный.

– Я их совсем молодыми знал, когда они только начинали службу в храме. А храм мой дед построил в благодарность Господу за то, что уцелел на Балканской войне (русско-турецкой войне 1877—1878 годов – авт.). Из самой Москвы архитектора приглашал.

– Колхозное зернохранилище там сейчас, – угодливо заюлил Колька. – Крест, колокола комсомольцы сбросили, иконы ободрали...

– Экие мерзавцы! Ну ничего, скоро мы крест на купол возведем и службы возобновим. Я – владелец тех земель – Дубасов Владимир Петрович. По нашей фамилии село назвали. Скажи-ка, братец, – глянул в красноармейскую книжку гауптман. – Откуда у тебя, такого молодого три дочери? Даже не верится.

– А вы, ваше благородие, съездите в Пензенскую область, в село Дубасово и проверьте! – обнаглел Колька.

Владимир Петрович хохотнул, перевел слова пленного немцам. Те дружно захохотали.

– Крайний срок – четыре месяца – будем в Пензе. Тогда проверим. Сейчас, боец, рассказывай начистоту сколько человек держит оборону. Кто командир полка? Количество орудий и пулеметов.

– Командир полка и весь штаб погибли. От полка остался батальон. Это мой бывший ротный, капитан Скопцов сказал. Он полк принял. Все пулеметы уничтожены. Патроны и гранаты

имеются в достаточном количестве. Не все такие умные, как я. Намерены сражаться до последнего...

– Артиллерия?

– Командир дивизиона – майор Дарьин. Сколько у него пушек – не могу знать! – вновь вспомнил Колька слова из фильмов. – Уж, очень лихо он их маскирует. А вообще-то ждут они приказа об отступлении или подмоги.

– Какая подмога? Сам видел, как германцы штаб дивизии и прикрывавший его полк разнесли! Говорил я этим «красным» дуракам: «Сдавайтесь! Вы окружены!» Больше их уговаривать нет возможности. Машину с репродуктором они сожгли. Я едва успел из нее выскочить. Конец им! Что-то твое здесь имеется? – Дубасов указал на часы и портсигар Лифанова, еще один серебряный портсигар, финку.

– Никак, нет, ваше благородие!

– Пойдем! – сгреб трофеи и направился к выходу гауптман.

Вася Зайцев и еще один пензяк – Дима Ишутин сидели под крыльцом под охраной пары разведчиков, взявших троицу в плен.

– Господа военнопленные! – обратился к ним Дубасов. – Нашим солдатам приказано отбирать у взятых в плен оружие и документы. Они перестарались с вашими личными вещами. Хочу вернуть их вам! Кому, что принадлежит?

Бывший помещик положил на ступеньку часы и портсигары.

– Это – мое! – потянулся к лифановским вещичкам Вася Зайцев.

– А это мое – указал на портсигар Дима Ишутин.

Дубасов что-то приказал разведчикам. Те долбанули узников железными прикладами автоматов, пинками подогнали к стенке.

– Что же вы, старшина Лифанов и сержант госбезопасности Ермишкин, думали, натянув на себя красноармейские гимнастерки, обмануть нас? Жадность вас погубила! Вам бы сдать на хранение или еще лучше выбросить эти награжденные часы с портсигарами, а вы их с собой в разведку взяли. Вот, и попались!

– Колька, б...! Скажи этим м... кам немецким, что я – не Лифанов! – заистерил Вася.

– Нет, Васёк, подыхай в одиночку, а меня не тащи! – резанула по мозгу Кольки мысль, которую сменила другая, высказанная вслух. – Лифанов – это, ваше благородие. И второй – из особого отдела.

– По нечаянности мне этот портсигар попал, – забормотал, размазывая грязную слезу Ишутин. – Вытащил его у дохлого гэбэшника. Портсигар ему уже без надобности, а мне бы пригодился! Тем более, что полный папирос!

– Ну, твари, наши придут – по полной ответите! – рванул на груди гимнастерку Зайцев.

– Наши уже пришли! – взвизгнул в ответ Колька.

Дубасов что-то резко сказал немцам. Те вскинули автоматы и прошли очередями Зайцева с Ишутиним. Парни дернулись и, оставив кровавые следы на стене, сползли по ней. Один из разведчиков внимательно посмотрел на тела, достал пистолет, стрельнул в голову Васе.

Кольку снова повели в здание, оказавшееся штабом. Там ему тыкали в нос советской полевой картой района с расположением полка. Колька через Дубасова отвечал на вопросы, тыкал в карту пальцем, припоминая: что-где находится.

– Папиросу желаешь? – протянул Кольке Дубасов портсигар ротного старшины.

– Не балуюсь, ваше благородие!

– Выпить налить, земляк?

– Тоже не балуюсь! Вот, хлебца бы...

Кольке дали большой ломоть черного хлеба, который он умял в два укуса.

– Оставаться тебе с нами неудобно, – сказал Дубасов, протягивая Кольке листок бумаги, с записью на немецком языке. – Сейчас вас отведут в лагерь для военнопленных. Там пере-

водчик мой старинный приятель, гауптман Безобразов. – Мы с ним Первую мировую войну прошли, потом в армии Деникина с «красными» сражались. Отдашь записку ему. В сопроводительном письме у начальника конвоя тоже про тебя написано. Словом, условия будут лучше, чем у тех, кто попал в плен без пропуска. Может быть, в Польшу, а то и в саму Германию попадешь. Я на всякий случай написал, что ты имеешь опыт работы на мельнице.

– Так, точно, ваше благородие! Сызмальства при дяде Агафоне состоял...

Потом был многокилометровый путь до Луцка, который столь недавно проехали. Колонна пленных увеличивалась, становилась все больше и больше. Раненые, изможденные, измотанные боями бойцы вливались в нее, словно ручейки в реку. Кто-то был не в силах идти дальше, падал в дорожную пыль или садился на обочине. Один из конвоиров мельком осматривал несчастного, затем стрелял ему в голову. Сдавшихся по пропускам и давших, подобно Кольке, сведения о линиях обороны, количестве советских бойцов и командиров, бившихся на них, наличии танков, артиллерии, прочую ценную информацию вели в конце колонны. После Луцка, где пленных прогнали по главной улице, сдавшихся добровольно поместили в начале колонны. В спины предателей сразу же полетели камни, куски земли. Кого-то из бросавших пристрелила охрана. До самого лагеря шли спокойно. Там изменников сразу отвели в единственный барак для узников. Остальных бросили на землю за колючей проволокой. Немцы кидали в толпу, словно диким животным, куски хлеба, коих не хватало на всех голодных. Воды не давали. Иначе обходились со сдавшимися добровольно. Их поили гадкой, протухшей водой, кормили гнусной, зловонной похлебкой. Крыша барака спасла от зноя и дождя. Остальные сидели под палящим солнцем и сменявшимися его грозowymi ливнями. Каждое утро из огромной «кучи малы» выуживали умерших. Погибших, кто – от ран, кто – от голода, кто – от обезвоживания, кто – в драках за кусок хлеба. За руки – за ноги волокли их за ворота, где грузили в подводы местных крестьян, на которых «новая власть» возложила похороны покойников.

Во время обхода территории лагеря начальством Колька, пробившийся к самой проволоке, разобрался: кто переводчик Безобразов. Понял по лихо закрученным усам, как у Дубасова.

– Герр, Безобразов! Герр, Безобразов! – завопил он, размахивая запиской бывшего помещика. – У меня резолюция!

– Что за резолюция? – удивился немолодой красавчик тоже, как и Дубасов, с черным крестом на мундире.

Протянул сквозь проволоку руку в перчатке. Брезгливо взял бумажку, скользнул по ней взглядом.

– Тебя кормят? Воду дают? Крыша на голову не падает? Что орешь, как оглашенный? Посиди пока, не наберется вагон, таких как ты – добровольно сдавшихся и оказавших помощь германскому командованию! Через несколько дней отправим вас в Польшу.

ХЛЕБНОЕ МЕСТО

Довольно скоро набрали не только вагон предателей, но и целый состав пленных. Прогнали под улюлюканье хохлов по улицам Луцка, погрузили в смрадные теплушки, повезли, судя по солнцу, куда-то на запад. Мимо окон плыли поля, разграниченные деревьями на узкие, длинные – до горизонта – полоски земли. Навстречу шли поезда с техникой и веселыми немецкими солдатами в вагонах. Казалось, этим эшелонам нет конца-краю. В бывшей польской столице Варшаве вагон с добровольно сдавшимися отцепили. Там же на станции погнали в душевые с теплой водой и обмылком на каждого. Каким же наслаждением смывали с себя многодневную грязь! Однако долго размываться не дали. Воду отключили, по душевым пробежались немцы. С криками: «Шнель, шнель! Ком, ком!» (Быстро, быстро! Проходите, проходите – нем.) выталкивали пленников в предбанник. Непонятливым поддавали прикладами и ногами, оставляя на спинах и задницах кровоподтеки. В предбаннике ждала советская военная форма без петлиц, поношенная, но чистая, почти новые ботинки. Одетых пленных посадили в крытые грузовики. Повезли по варшавским улицам. Конвоиры сели по углам кузова, предусмотрительно укрывшись за брезентовых пологом. Колька оказался у самого борта, даже попытался выглянуть наружу.

– Не хрена себе оккупация! – выдохнул он, увидев на улице лотки со всякой всячиной: салом, колбасами, шуками, кочанами свежей капусты, огромными караваем хлеба.

Тут же за любопытство получил в лоб моченое яблоко, и вопль:

– На, курва советская!

Немцы-конвоиры расхохотались, а Казаков соскреб яблочные остатки и с жадностью съел их вместе с косточками. Где-то на окраине поместили в здание, похожее на тюрьму. Накормили не сытно, но не такой гадостью, как в лагере. Затем выстроили во дворе. Открылись ворота. Во двор вошли господа, и даже несколько хорошо одетых немолодых дам. Они прогуливались перед узниками, разглядывали их, шупали мускулы. Кое-кто лез даже в рот пленникам. Около Кольки остановился осанистый, представительный дед с серебряной, во все брюхо, цепочкой карманных часов.

– Беруф? – ткнул он в парня тростью и вдруг добавил по-русски. – Профессия?

– Мукомол, помощник мельника.

– Ком! – жестом велел дед выйти из строя.

Подобрал еще двоих служивых, работавших до призыва в армию на хлебозаводе. Зашел куда-то к начальству. Вернулся с квитанциями и какими-то карточками. Снова набили пленными грузовик, повезли по Варшаве. Колька уже не высовывал носа из машины. Троицу выгрузили у мукомольного завода, остальных повезли дальше.

– Казаков, ком! – кивнул на дверь кабинета дед, приехавший следом на легковой машине с шофером.

Старик важно опустился в кресло, положил перед собой карточки к одной из них была прикреплена записка Дубасова.

– Господа Дубасов и Безобразов рекомендуют тебя. Работай честно – не подведи их! Обоих этих господ офицеров я знаю давно. С тех пор, когда Варшава была русской. Царством Польским называлась. Ах, какая была жизнь! А какие лихие красавцы-улены были Дубасов с Безобразовым! У меня муку для полковой пекарни покупали. Дубасов все время приговаривал: «Чтобы мука была как у моего мельника Агафона!»

– Я – племянник Агафона, – вставил Колька. – У него многому научился...

– Хорошо! Значит будешь работать как надо! Приглядывай за товарищами! Да, скажи, чтобы муку не жрали! Заворот кишок может случиться! Мне не нужны убытки! Я за вас германскому командованию деньги платил...

– Выходит, ваше благородие, вы нас словно крепостных купили? – не удержался Казаков.
– Зачем словно крепостных? Словно рабов купил! Скоро будет очень много пленных из России. Посмотрю, как вы работаете. Хочу поменять рабочих-поляков. У меня в заведении всегда только немцы служили. Немцы сейчас в армии. Биржа труда присылает поляков. Плачу им жалование. Поляки – быдло! Не желают работать, воруют. Норовят в муку, чтобы кража не обнаружилась, натолкать камней. Посмотрю на вас. Придетесь ко двору, как говорят русские, буду покупать пленных. Цена на них скоро упадет. Не оправдаете моих ожиданий – поедете в Германию: на заводы, шахты, строительство. Там кормят куда хуже, чем я. Охрана – СС. Лодырей бьют, упрямцев и большевистских агентов вешают. Пока будете мешки с зерном разгружать, муку грузить для отправки на фронт и для моих варшавских клиентов. Присматривайтесь к оборудованию, учитесь у поляков! Немецкий язык учите! Надумаю еще русских купить – вас над ними начальниками поставлю. Одежду, обувь носите аккуратно! Вас в нее одели, чтобы подороже продать. Это – тоже моя собственность! Будете пока командовать другими русскими.

Выйдя из кабинета, Колька задумался:

– Надо польских панов выживать отсюда! Я самый подходящий, чтобы стать начальником над пленными, которых скоро будет много. Война не вечна! Разгромят большевиков, вернусь домой. А может, здесь понравится. Тогда перевезу Дуньку с девчонками в Варшаву.

Зайдя в промышленное помещение, Казаков увидел, как один из товарищей по плену под ухмылку и перемигивание облаченных в белую одежду поляков пожирает муку.

– Стой! Не ешь! От заворота кишок подохнешь! – кинулся к нему Колька.

– Да пошел ты! Жрать хочу! – получил ответ.

Колька с размаху дал ему в нос. Обрушил на пол.

– Слушаться будешь?! – занес он над парнем ногу.

– О, курва! – выдал пожилой поляк и добавил по-русски. – Такой цирк испортил!

– Хальт! (стой – немецк.) – оказался в цехе дед. – Вас ист дас? (что такое? – немецк.)

Поляки залопотали по-немецки. Казаков понял, что нельзя молчать.

– Этот, – показал он пальцем на служивого. – Муку жрал. Я ему, как человеку, сказал: «Не ешь – заворот кишок будет!» Не послушал по-хорошему. Пришлось поучить...

– Иди, умойся! – ткнул старик тростью оголодавшего пленника. – Сейчас вас покормят по-человечески.

По сравнению с лагерной гадостью жиденькая похлебка из свеклы, картошки, брюквы показалась роскошным обедом. Да еще дали по большому куску черного, вкусного хлеба.

– Десять минут просрать! – указал хозяин на дощатый сортир. – Через десять минут привезут зерно. Будете разгружать.

Колька управился вовремя. Зато тот, кто ел муку задержался на три минуты.

– Драй минутен, – глянул дед на большие серебряные часы и трижды вытянул раба тростью.

Еще один русский припозднился на пять минут.

– Фюнв минутен (пять минут), – посмотрел рабовладелец на часы и пять раз прошелся тростью по спине служивого.

– За каждую минуту опоздания будете получать по удару палкой! Только бить будут они, а не я! – кивнул старик на поляков. – По-русски больше говорить не буду! Учите немецкий! Не поняли приказа – от трех до пяти ударов палкой. За отлынивание от работы – десять ударов и без еды. Арбайт! (работать – немецк.)

Прибыли подводы с зерном. Пятидесятикилограммовые мешки взваливал на плечи пленным поляк, норовя долбануть сапогом по спине. Еще пара дюжих поляков тоже таскала мешки. Старались дать русским подножку, толкнуть. Когда тяжелая работа, которой, казалось, не было

конца-края закончилась, Колька подошел к пожилому поляку, говорившему на русском. Спросил:

– Зачем пакостят? Ведь и вы под немцем...

– Вас, пся крив (собачья кровь – польск), сюда скоро много пригонят. Нас – поляков вышвырнут. Как мы семьи кормить будем?

– Не хрен было сдаваться! Мы в плен пошли потому что против Сталина, против колхозов. А вам за вашу родину сражаться надлежало до последнего патрона! – выдал ему Казаков.

– О, курва! – долбанул его поляк, коего все звали Стахом.

Колька увернулся, двинул мощным ударом в нос, затем по уху. На вопли Стаха прибежали соплеменники. Русские встали спина к спине. Работяги попытались достать пленных, но те держались крепко. Сами доставали противников, оставляя синяки на их скулах и под глазами.

– Хальт! – прибежал хозяин, вытянул кого-то из поляков тростью. – Варум хендгеменге? (почему драка? – немецк.).

Поляки принялись что-то доказывать. Казаков заявил, что драка спровоцирована ими. Товарищи по плену кивали головами, поддакивали Кольке.

– Вот этот курвой меня назвал! – ткнул Колька пальцем в Стаха.

Что это слово гадкое он знал еще с детства. Как-то мужики несколько раз назвали так за глаза председателя колхоза. Пацаненок щегольнул словечком дома. Получил от отца затрепщину, от которой потемнело в глазах. «Не смей в православном доме, перед святыми образами поганые слова говорить! Еще раз такое услышу – выдеру!» – предупредил тогда родитель.

– Арбайт! – указал дед на еще одну вереницу подвод, втягивающуюся в заводской двор.

Снова тяжелая работа до вечера. А там похлебка с хлебом и сон до утра. Утром – те же подводы, тяжеленные мешки с зерном. Через какое-то время управились с загрузкой в элеваторы урожая прошлого года. Стали молотить подсушенное зерно. Муку упаковывали в мешки, грузили в машины немецкой армии – вермахта. Затем пошло зерно урожая 1941 года. Утром – каша из зерна и кружка жидкого кофе. В обед – овощная похлебка с кипятком и хлебом. На ужин – снова похлебка с кипятком и хлебом. После короткий сон и снова тяжелая работа. Единственная отрада – воскресенье. Тогда принимали душ с обмылками, стирали. Хозяин требовал соблюдать правила гигиены. Даже выдал на троих старенькую бритву с использованными лезвиями. Колька же раздумывал, как отделаться от поляков. Ему удалось подсмотреть, как Янек и Влодзимеж мочатся в мешки с мукой, предназначенной для армейских пекарен. Тут же донес деду. Тот лично проверил мешки. Заменял их другими, а изгаженные отправил в польские пекарни. Скандальить старик не стал. Позвонил в гестапо. Парней забрали с рабочих мест.

– Кто-то донес, – испытующе глянул на Кольку Стах.

– Сами поляки и донесли! – нагло ответил тот.

Возмездие не заставило себя ждать. Когда Казаков с Ваней Киевским стояли в цехе откуда-то сверху на них обрушилась металлическая штанга. Колька вовремя среагировал отскочил. Ване проломило череп. Парень заметил Стаха на верхотуре. Доложил хозяину. Тот снова позвонил в гестапо. Стаха тоже забрали с рабочего места, втокнули в машину, увезли.

– Куда его? – спросил Казаков деда.

– В Лазенки. Это – дворец польских королей. А в парке расстреливают тех, кто против Великой Германии. Завтра поедем за новыми пленными. Поляков – в шею!

Утром Кольке дали старенький пиджак и сапоги сына хозяина, воевавшего где-то под Киевом. Вместе с хозяином отбирали новых рабов. В-первую очередь брали имевших опыт работы в мукомольном производстве. Особенно интересовали добровольно сдавшиеся в плен. Теперь привезли пару десятков человек. Казаков не досмотрел. Один успел наесться муки и корчился от заворота кишок. Дед несколько раз вытянул тростью подручного за недосмотр.

– Не смей жрать муку! – двинул по носам Колька пару человек, заметив на их губах белые следы. – В мучениях подохните! Подождите чуток! Накормят, как в санатории! Меня благодарите за то, что на хлебное место попали! Хозяин говорит: война скоро закончится. Тогда по домам поедем. А сейчас вести себя тихо, у деда не воровать, от работы не сачковать! Не то снова в лагере окажитесь!

Люди сносно поели, порозовели, смотрели на Кольку, как на бога. Потом он отвел пленников в сортир. Проинструктировал: сколько получают ударов палкой за опоздание, за непонимание приказов, за отлынивание от каторжного труда. Один из рабов все же опоздал.

– Цвай минутен! – глянул хозяин на часы и протянул Кольке трость.

– Извини, братан! Сам виноват! Я вам, б...м, как людям говорил, что нельзя опаздывать, – с этим Колька дважды огрел по спине «нарушителя трудовой дисциплины». – Мужики! Не вводите меня в грех! Я – человек подневольный. Приказали бить – бью!

Теперь Казаков сам стал начальником. Командовал пленными, загружал зерно в жернова, следил за качеством помола. Случалось, вытягивал кого-нибудь из норовивших не вовремя отдохнуть. Пленные имели номера, нашитые на гимнастерки. Кольку хозяин звал на немецкий манер Клаусом. За кирпичными заводскими заборами текла жизнь. Гнали по улицам Варшавы большие колонны пленников. В обратном направлении – на восток – текли колонны танков, грузовиков с пехотой. Это делалось для того, чтобы окончательно сломить поляков. Показать: какая мощь у третьего рейха, выбить из голов варшавян даже мысль о сопротивлении оккупантам. Богатые штатские немцы, как и колькин хозяин Август Коменский, род коего уже пару столетий проживал в Варшаве, подсчитывали барыши от поставок для немецкой армии. Казаков спросил старика, воспользовавшись его хорошим настроением, как тому удалось отсидеться в тридцать девятом году, во время войны?

– Мы знали, что война скоро начнется. Обменяли злотые на рейхсмарки. Разъехались: кто в Великую Германию, кто в Восточную Пруссию, кто в Данциг (ныне Гданьск, Польша – авт.). Через три недели вернулись. Правда, чернь растащила наше имущество. Ничего! Мы с сыном в сопровождении немецких солдат обошли окрестные дома. Все вернули. Однако пару стульев красного дерева, изготовленных в семнадцатом веке, быдло сожгло в печке. Холодно, видите ли, было! Получили еще лучше – из имения какого-то польского графа.

Пошло зерно из России и с Украины. Вновь по варшавским улицам гнали красноармейцев, плененных под Киевом, Смоленском, Ленинградом. Гремели истерично-бравурные марши. Все мрачнее становились лица поляков и все радостнее немцев.

– К Рождеству наша доблестная армия будет в Москве! – объявил герр Коменский.

– Значит, по весне будем дома! – радостно зашушукались рабы, наивно рассчитывая на свободу.

Настал январь. Поутихли марши. Приуныли немцы. Москву не взяли. Зато оживились поляки. Поняли, что хваленый вермахт не такой уж непобедимый. Стали убивать германских солдат и офицеров на улицах. Сбились в партизанские отряды, начали пускать под откос военные эшелоны. Оккупанты отвечали террором. Как-то ехавший вместе с хозяином Колька увидел под стеной одного из домов десяток трупов. Среди них пару женских. «На этом месте был убит немецкий унтер-офицер», – перевел герр Август надпись на польском языке, намалеванную над телами.

Потом снова настало оживление. Гнали взятых в плен под Харьковом, Новочеркасском, в калмыцких степях. Все чаще слышалось слово: «Сталинград». Вновь потекло зерно: украинское, донское, кубанское. Коминский прикупил еще рабов. Довольно шелестел новенькими банкнотами оккупационных марок. Клаусу-Кольке даже приказал подавать по две тарелки похлебки.

Однажды по осени Казаков вышел из отведенной ему коморки по нужде. С ужасом увидел пылавший завод, метнувшиеся от него и перемахнувшие через забор тени. Еще одна тень

метнула бутылку с зажигательной смесью в халупу, где обретались военнопленные. Колька бросился на перехват. Получил удар ножом. Прикрылся рукой, которую обожгла боль. Поджигатель лихо перемахнул через ограду и был таков. Клаус отшвырнул доску, подпершую дверь. Выпустил рабов. Его перевязали. Как ни старался Казаков привлечь пленников к тушению огня, те, не шелохнувшись, тупо смотрели на пламя. Пока вызвали пожарников, пока они доехали, от завода остались лишь кирпичные стены. Следом приехали эсэсовцы и военные в черных мундирах – гестапо. Прибыл переводчик, в коем Колька узнал господина Дубасова. У него были другие погоны, черный крест на шее. А вот левая рука отсутствовала. Владимир Петрович тоже узнал земляка, поздравившего его с новой наградой.

– Рыцарский крест дали, чин майора, зато руку пришлось оставить под Москвой, – вздохнул тот. – Как же ты, братец, допустил поджог? Зерно, мука погибли. Сколько времени уйдет на восстановление производства, одному Богу известно...

– Спали все, ваше благородие! Вон, и нашу казарму запалить пытались. Точно, поляки подожгли! Их рук дело! Надо бы посмотреть, кто из них на заводе работал...

– Посмотрим!

Появился герр Август. Сдерживая слезы, сокрушенно качал головой. В этот момент во двор въехал почтальон на велосипеде. Протянул Коменскому пакет. Дед вытащил бумагу с имперским орлом. Прочитал.

– Нет завода. Нет сына. Жизнь прошла мимо, – разобрал поднаторевший в немецком Колька.

Дед дернулся, перекосясь лицом, рухнул, гулко стукнувшись головой о брусчатку. Дубасов, что-то крикнул немцам. Посмотрел на старика, подобрал бумагу.

– Инсульт, – сказал он и перевел содержание документа. – Ваш сын – ротенфюрер СС (старший ефрейтор – авт.) Франц Коменский пал смертью героя на подступах к Сталинграду.

Допросили всех рабов. Гестаповцы отбыли на биржу труда, выяснять: кто из поляков работал на заводе герра Августа, увезенного «скорой помощью» в больницу для немцев. Пленных погрузили в крытый фургон и отвезли в дом, откуда все они попали в заведение Коменского. Там же Кольку «заштопал» без всякого наркоза пленный военврач. Через какое-то время явился Дубасов.

– Эсэсовцы хотели всех вас расстрелять на месте, – сообщил он Кольке. – С большим трудом удалось убедить их не делать этого. Гестаповцы помогли. Сказали, что наверняка – это польская диверсия. Сейчас у поляков много всяких подпольных организаций развелось. Ну а вас вместе с другими отправим в Голландию. Есть такая страна. Там сейчас на берегу океана идет большое строительство укреплений. Но для тебя будет другая работа. Еще не раз мне спасибо скажешь. Наполним вагон тебе подобными. Набьем вагоны с остальными – и в путь! Европу увидишь...

ЕВРОПА

Через пару дней пленных затолкали в товарные вагоны, пропахшие навозом.

– Уж, нас-то могли бы не как скотину везти! Сколько мы сделали на благо этой, самой Германии! – зло подумал Колька, стараясь не испачкать пиджак и сапоги, прихваченные во время суматохи, и теперь оказавшиеся сынку герра Августа «без надобности».

За окном замелькали разрушенные войной польские города, движущаяся на восток по хреновеньким дорогам немецкая техника, крестьяне, копошившиеся на своих убогих надеждах. На границе с Великой Германией из вагонов вынесли умерших. Охрана задраила окна. В потемках доехали до голландской границы. Там снова вытащили покойников, открыли окна. Перед глазами узников потекли пейзажи, которые Колька видел в детстве в школьной библиотеке. Книжка была из дома Дубасовых. Напечатана не по-русски, зато какие картинки! Ребятишки рассматривали их часами. Теперь эти картинки: красные кирпичные домики, ветряные мельницы, уходившие за горизонт каналы с зеленоватой водой, луга с пасшимися на них коровушками проплывали мимо. У Казакова даже слегка закружилась голова. Как давно не пил он молока! Не ел сметану с творогом, приготовленные руками матери! Казалось: война с ее смертями и разрушениями миновала эти края. Затем в окна повеяло морским ветерком, как определил один из пленников, оказавшийся родом с Дальнего Востока. На остановке Колька по складам прочитал станционную вывеску: «Амстердам». Здесь вагон с добровольно сдавшимися в плен отцепили. Остальной состав двинул еще дальше. Предателей загнали в станционный двор. Там уже, как и в Варшаве, ждали хорошо одетые господа. Первым подошел к узникам высокий, жилистый мужчина с желтоватым, хищным лицом.

– Ду! (ты – немец.) – ткнул он в Кольку в рослого, не измученного голодом, длинным пальцем.

– Выходи! – сказал по-русски паренек лет двадцати трех, одетый в поношенный пиджак поверх красноармейской гимнастерки.

Тут же смерил своей небольшой ножкой огромную колькину ступню, пробормотал:

– Жаль не мой размер! Я в этих сапожищах ноги моментально в кровь собою.

Последовал за новым, как всем стало понятно, рабовладельцем. Тот отобрал еще четыре человека. Всех одного роста, словно по линейке. Всех, сумевших перекантоваться в первое время плена на «хлебных местах», оттого сохранивших крепкие мускулы, имевших презентабельный для пленников вид. Пара солдат подвела узников к длинной, черной машине. Паренек открыл задние двери и под смехи охранников велел загружаться. Тем временем, новый хозяин зашел в контору, заплатил за живой товар. Ехать пришлось лежа. Выгрузили на окраине. Здание с флигелем, куда загнали рабов, окружали могильные плиты черные, белые, красные, с крестами и без.

– Это – одно из кладбищ славного города Амстердама, – пояснил паренек. – Жить будете здесь, во флигеле. Работать в похоронной конторе. Она, как и вся территория принадлежит муниципалитету. Во всех помещениях и на территории кладбища соблюдать чистоту! Особенно это относится к местам общего пользования. Не смывший после себя дерьмо остается без еды! При повторном нарушении – отправляется на строительство военного объекта. За прекращение со мной – вашим бригадиром и сотрудниками похоронной конторы – тоже отправка на строительство укреплений. Люди там мрут как мухи! Жмуриков сваливают в противотанковые рвы и заливают бетоном. За косой взгляд на охранника – пуля! Сам там пару раз был – переводить возили. Поэтому – не испытывайте судьбу! Работайте честно. Доживете до конца войны – дальше будет видно. Ну а меня зовите Константином.

– Скажи, мил-человек, ты-то как сюда попал? – спросил один из рабов. – Мы сдались, потому что против колхозов. А ты – грамотный. На немецком, как на нашем языке говоришь. Мог бы у большевиков в начальство выбиться. Али поумнел, когда немец прижал?

– Поумнел я раньше, чем ты думаешь. Я в университете немецкий и фламандский, на коем говорят в Голландии, изучал. Моего отца накануне войны арестовали, как врага народа. Меня от ареста повестка из военкомата спасла. Уже перед отправкой на позиции звонил маме по телефону-автомату. Она сказала, что и за мной приходили. На передовой случайно услышал разговор энкавэдешников, присланных к нам в часть. Они говорили, что всех арестованных по политическим статьям расстреляли без суда и следствия. Так-то! Поэтому сдался при первом же удобном случае. Попал к голландским эсэсовцам. Поговорил с ними на их родном языке. Офицер оказался сыном начальника похоронной конторы. Благодаря ему попал сюда. Правда, для этого одного из гэбэшников, когда тот попал в плен, собственноручно пришлось расстрелять. Вел себя достойно, пощады не просил. На колени вставать отказался. Пришлось сначала ему в живот выстрелить, а уж потом, когда тот все же упал на колени, – в затылок добить. Второй, мразь, как в воду канул! Ни среди пленных, ни среди убитых его не нашли... Мне предложили послужить в администрации или в полиции. Попросился сюда. Очень хотел посмотреть Амстердам с его музеями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.